

удачны. Ведь основные трудности при изучении иностранного языка связаны именно с прочным укоренением в сознании говорящего речевых моделей повседневной речи (*sermo quotidianus*, по выражению древнеримских грамматиков), позволяющих без обдумывания каждой отдельной словоформы строить правильные предложения и понимать высказывания. С этой точки зрения языковой материал и речевые упражнения в учебнике Э. Сий максимально приближены к реальной жизни. Автор широко использует опыт, приобретенный ею в годы преподавания венгерского языка в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Для примера сошлемся на рекомендации, связанные с принятыми формами обращения к преподавателю (с. 80), переводом притяжательных конструкций типа «кафедра русского языка» (с. 96), возможными формами вопросов и ответов на темы студенческой жизни (с. 64, 143 и др.; ср., между прочим, выражение *lyukas óra*, соответствующее рус. *окно по расписанию*, с. 347 и т. д.). Закреплению многих языковых оборотов помогают удачные рисунки М. Мартох, которая вместе с Я. Фелчуты иллюстрировала книгу.

Многие тексты содержат интересный страноведческий материал (с. 52, 324 и др.), всесторонне отражают различные аспекты советско-венгерского экономического и культурного сотрудничества (с. 367 и др.).

Среди недостатков учебника можно указать на то, что при изложении темы «Повелительное наклонение» (*felszólító*

mód) следовало бы, на наш взгляд, наряду с особенностями образования соответствующих глагольных форм, больше внимания уделить собственно значению этого наклонения в венгерском языке, особенно случаям употребления неизвестных русскому языку форм повелительного наклонения в 1-м и 3-м лице ед. и мн. числа в предложениях различной структуры. В таких случаях стоило бы дать какой-то описательный перевод глагольных парадигм повелительного наклонения во всех лицах (ср. с. 257), например, с употреблением частицы 'пусть': *várjon* 'пусть ждет', *olvassanak* 'пусть читают' и т. п. Встречаются отдельные стилистические шероховатости в русских текстах (ср. сегодня красивая погода, с. 425), не полон список приставок (приводится, например, как приставка глагольный компонент *végre*-, но отсутствуют *ketté*-, *sikra*- и т. п.), есть некоторые орфографические неточности: Мункачево (с. 283; правильно — Мукачево), Тисса (с. 33; правильно — Тиса). Жаль, что к учебнику не прилагается хотя бы одна грампластинка или магнитофонная кассета с записью фонетических упражнений и текстов, что значительно облегчило бы учащимся освоение венгерского произношения. Это обстоятельство необходимо учесть при подготовке учебника к переизданию.

«Курс венгерского языка» Э. Сий принесет, несомненно, большую пользу всем, кто желает научиться говорить и читать по-венгерски.

С. С. ПАНЬКО (Ужгород)

<https://doi.org/10.3176/lu.1981.3.09>

И. А. Санг, Отрицание в современном эстонском литературном языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1980.

15 декабря 1980 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации заведующим отделом журнала «Keel ja Kirjandus» И. Сангом по теме «Отрицание в современном эстонском литературном языке». Официальными оппонентами выступили доктор фило-

логических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук Х. Раянди (Таллин).

Работа И. Санга (187 с. машинописного текста) состоит из введения и шести глав.

Исследование актуально, так как в нем рассматриваются проблемы, остававшиеся до сих пор вне поля зрения лингвистов. В грамматике эстонского языка

отрицание не рассматривается, а в отдельных статьях эта проблема затрагивается лишь в связи с диалектными формами или ограниченным употреблением двухзначных кванторных слов в отрицательном по содержанию предложении.

И. Санг поставил перед собой цель — описать отрицание в эстонском языке с точки зрения как значения, так и формы. Опираясь на обширный и разнообразный языковой материал (около 437 примеров), автор выявил все существенные признаки отрицания. Рассматривает он также проблемы онтологии и прагматики отрицания, влияние отрицания на тематическую структуру высказывания, роль отрицания в лексической системе и средства его проявления в этой системе. Анализируется в работе влияние отрицания на синтаксическую структуру предложения, прослеживаются случаи нейтрализации отрицания в вопросительных и восклицательных предложениях.

Методы анализа перечисленных проблем отличаются новизной. Обширность использованной литературы свидетельствует не только о хорошей теоретической подготовке автора, но и о том, что он сумел опереться на методы исследования, применение которых наиболее полно раскрывает сущность отрицания в эстонском языке. Анализ материала логичен и последователен, поэтому достоверность результатов исследования не вызывает сомнений.

В анализе материала рецензент почти не заметил таких моментов, об ошибочности которых можно было бы сказать с уверенностью, но встречается ряд случаев, позволяющих разную интерпретацию, к чему И. Санг и сам неоднократно прибегает. Результаты работы бесспорно могут быть использованы при составлении научной грамматики эстонского языка и, разумеется, в преподавании эстонского языка в вузах.

У рецензента возникли все-таки некоторые вопросы, сомнения, хотелось бы сделать и несколько уточнений. Часть замечаний касается технической стороны исследования и может быть даже спорной.

В работе отмечается, что при синхронном анализе автор чаще всего прибегал к интроспекции, т. е. при оценке

правильности и приемлемости языковой единицы исходил из собственного языкового чутья, сомнительные случаи проверяя на коллегам. Объясняется это тем, что важные с точки зрения отрицания ударение и интонация предложения не отражаются в письменной речи. Разумеется, нельзя не признать языковой компетенции исследователя, но для всестороннего анализа, по-видимому, этого не достаточно. Дополнительный материал можно было почерпнуть из картотеки эстонского современного литературного языка Института языка и литературы АН ЭССР. Использовать материалы картотеки в исследованиях, касающихся вопросов синтаксиса и семантики, целесообразно по двум причинам: 1) для сравнения (и проверки) более сложных и вызывающих сомнения случаев с фактическим, употребляющимся в языковом общении материалом и 2) для выяснения возможных пробелов, которые при чисто интуитивном и интроспективном подходе могут остаться незамеченными. На эти принципиальные моменты неоднократно обращали внимание финские ученые (см. A. Hakulinen, F. Karlsson, Nykysuomen lauseoppi, Jyväskylä 1979, с. 21 и сл., 63).

Синхронное исследование не означает исключения некоторых диахронных моментов, особенно когда более углубленное понимание или установление тенденций развития языкового явления этого требуют. Эст. *ei* 'нет' и отрицательные слова в других финно-угорских языках первоначально выступали как спрягаемые глаголы отрицания (по причине этого основной глагол не имеет личных окончаний), поэтому их трудно сопоставить с конструкциями отрицания в индоевропейских языках.

Из одного исследования в другое переходит точка зрения, согласно которой в индоевропейских языках отрицание отрицания дает утверждение. В общем это действительно так, но в более древнем английском языке наблюдаются слова, близкие эст. *mitte* 'никак'. Второе отрицательное слово используется в целях подчеркивания отрицания: *I don't know nothing about it* (G. Curme, A. Grammar of the English Language. Vol. 3, Boston 1931, с. 139 и сл.).

О диахроническом аспекте уместно

было бы говорить во введении, в котором элементы отрицания представлены несколько скупо, а часть из них даже ошибочна. Утверждение, что в отрицательной форме глагол не имеет личных окончаний, относится только к настоящему времени изъявительного наклонения, а не к имперфекту (ср. *ma tegin* — *ma ei teinud* 'я сделал — я не сделал'), косвенному наклонению (*ma tegevat* — *ma ei tegevat* 'я будто бы делаю — я будто бы не делаю') и даже не к типу *ma teeks* — *ma ei teeks* 'я сделал бы — я не сделал бы' условного наклонения, где и в утвердительной форме нет личных окончаний. Во введении можно было бы привести и данные из раннего периода литературного языка (например, в грамматике И. Горнунга отрицательное слово изменялось по лицам), диалектов (где отрицательные слова настоящего и прошедшего времени отличаются друг от друга) и даже более близких родственных языков (например, изменение по лицам основного глагола в повелительном наклонении в эстонском языке совпадает с таковым в юго-западных диалектах финского языка). Полезно было бы составить таблицу элементов отрицания в эстонском языке.

Внешнее отрицание в работе не рассматривается (*Ma ei ütle, et uks on lahti* 'Я не скажу, что дверь открыта'), так как такие отрицательные предложения не относятся к числу основных. Вместе с обособленным оборотом оно составляет отрицание, которое заслуживало бы внимания (двойное отрицание, замена слова *ei* 'нет' словом *mitte* 'никак' или его выпадение из обособленного оборота, напр., *Ma ei teadnud vihma enam sadavat* 'Я не знал о прекращении дождя').

Автор несколько раз обращается к проблеме немаркированности отрицательного предиката в говоре о. Кихну, но конкретные примеры не приводит и рассмотрение остается абстрактным. Отметим, что подобные тенденции развития наблюдаются и в диалектах финского языка (см. I. Savijärvi, *Itämerensuomalaisten kielten kieltoverbi*, Helsinki 1977). Даже при полном выпадении элементов отрицания предложение не становится утвердительным, так как глагол сохраняет форму, не имеющую личных окончаний.

К бытийным И. Санг относит только

такие предложения, в которых субъект входит в рему, а не в тему. По его мнению, предложение *Lilli on peenral* букв. 'на клумбе есть цветов' неприемлемо для большинства носителей эстонского языка (с. 102). Действительно ли это так? Ср. также *Igasuguseid lilli on peenral* букв. 'всяких цветов есть на клумбе' и *Lilli on ka sellel peenral* букв. 'и на этой клумбе есть цветов'.

Теоретически сверхкомбинированным, по-видимому, следует считать предложение *Kolleksionäär ei ostnud pildid, vaid pildiraamid* букв. 'коллекционер не купил картины, а рамы', которое автор считает приемлемым. Такие случаи целесообразно проверить и сравнить с фактическим языковым материалом. Языковому чутью рецензента противоречит высказывание *Pagar ei küpsetanud mitte tordid, vaid leivad* букв. 'пекарь не испек не торты, а хлеба'.

Правильным следует признать точку зрения И. Санга, согласно которой устойчивые выражения имеют целостное значение, которое не вытекает из значений слов, его составляющих. Таким образом, предложение *Sulane ei pannud tüdrukule raudu suhu* букв. 'батрак не обуздал девушку' (с. 128) вполне естественно, так как образность выражения сохраняется, по мнению рецензента, в данном случае и в отрицательном по содержанию предложении (ср. *Sulane tahtis tüdrukule raudu suhu panna* букв. 'батрак хотел обуздать девушку' и *Sulane ei suutnud tüdrukule raudu suhu panna* букв. 'батрак не сумел обуздать девушку').

Модальное наречие *eks* 'не так ли, разве не, не... ли' рассматривается как результат исторической контаминации слова общего отрицания и усилительной частицы (с. 144). Это не совсем точно, так как в данном случае мы имеем дело не с взаимодействием языковых единиц, а с присоединением (агглютинацией) вопросительной (а не усилительной) частицы к глаголу отрицания. *Eks* выступает в качестве вопросительного слова в диалектах и литературном языке раннего периода (см. P. Alvre, *Vana kirjakeele lõuna-eestilisi küsisõnu*. — *Fenno-ugristika* 6, с. 20 и сл.). Выражение *pole* = *ei ole* 'не является' не совсем верно называть метаналитическим (с. 3). Это скорее сокращенный вариант сочетания (*ep ole* = *pole* 'нести = нет'). К числу слов, упо-

требляющихся только в отрицательных по содержанию предложениях, следовало бы отнестись и *põrmugi* 'нисколько' (с. 90).

Создается впечатление, что сфера употребления слов *ühti* (с. 137) и *ühtigi* не совпадает. В действительности же они существенной разницы в качестве усилительного элемента, распространяющего предложение, не имеют. В орфологическом словаре *ühtigi* снабжено только пометой *разг.*

Правомерно утверждение, что слово *vaevalt* 'едва' может встречаться только в утвердительном контексте. Дефективный же глагол *parata* свойствен, по-видимому, не только отрицательному контексту (с. 133). На с. 137 и оговаривается, что *parata* употребляется в основном в отрицательном контексте.

В отрицательных по содержанию предложениях учитывается чаще всего изъявительное наклонение, но более подробное соблюдение условного, повелительного и косвенного наклонений привело бы, по-видимому, к выявлению новых моментов в порядке слов и др., которые остались вне внимания автора. В некоторых случаях отрицание как изъявительного, так и условного наклонений может заменять повелительное наклонение, например, *te ei tohi ~ ei tohiks seda teha* = *ärge tehke seda* 'вам нельзя ~

не следовало бы этого делать = не делайте этого'.

Основные результаты исследования разнообразны и достоверны. В них отражаются функциональное единство синтаксического и лексического отрицания, а также то, как синтагматическое отрицание переходит в парадигматическое. Автор внес поправки и дополнения в существующую точку зрения о влиянии отрицания на выбор субъекта и объекта. Важным является уточнение понятия бытийного предложения, а также указание на зависимость его от тематической структуры предложения. Впервые с большой точностью представлены дистрибутивные ограничения утверждения и отрицания в эстонском языке, а также афирмопетальные и негопетальные элементы, нейтрализация отрицания, целый ряд других важных моментов, связанных с отрицанием и антонимией.

Следует подчеркнуть, что работа И. Санга внесет важный вклад в решение неизученных проблем грамматики эстонского языка. В дальнейшей работе над темой автору следует более глубоко рассмотреть вопросы, связанные с отрицанием, и привлечь языковой материал из диалектов и раннего периода литературного языка.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

В. А. Ледяйкина, Причастие в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1980.

23 февраля 1981 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации ассистентом кафедры английского языка Ульяновского педагогического института В. А. Ледяйкиной на тему «Причастие в мордовских языках». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук доцент И. Тараканов (Ижевск).

Мордовские, как и другие финно-

угорские языки, имеют сложную систему причастий. В разных языках причастие изучено не одинаково. По прибалтийско-финским языкам, например, имеются специальные монографии и статьи по частным вопросам. Причастие хорошо изучено и в некоторых других финно-угорских языках. Однако в мордовских языках оно пока еще не было предметом специального исследования, хотя именно в этих языках сохранило разнообразные древние формы, анализ которых дал бы много нового и важного для освещения истории финно-угорской грамматической системы. Поэтому автор поступила